

Я. Г. Шемякин¹

КУЛЬТУРА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В общественной мысли последних десятилетий, в первую очередь западной, отчетливо проявляется тенденция сводить все содержание мирового исторического процесса на нынешнем этапе его развития к глобализации. В связи с этим возникают вопросы, которые можно сформулировать следующим образом: все ли глобализуемо? И возможна ли в принципе глобальная культура (или цивилизация) как некий единый организм?

В поисках ответа на эти вопросы я обратился к концепции степеней (типов, форм) интеграции элементов культуры, выдвинутой П. Сорокиным. Он выделяет четыре уровня такой интеграции:

1) «...пространственное, или механическое, соседство (от неустойчивого и случайного соединения двух или более культурных объектов до механического сцепления элементов в рамках одного структурного единства — скажем, склеенные, сцементированные, сшитые или связанные друг с другом элементы);

2) ассоциация под воздействием внешнего фактора;

3) причинная, или функциональная, интеграция;

4) внутреннее, или логико-смысловое, единство».

К первой из обозначенных форм интеграции «относится любой конгломерат культурных элементов (предметов, свойств, ценностей, идей) на данном участке социального и физического пространства, имеющий в качестве единственной объединяющей основы пространственное или механическое соседство»².

Во втором из обозначенных случаев речь идет о ситуации, когда элементы, граничащие в пространстве, соединяются воедино под воздействием внешнего фактора³.

Третий тип интеграции — «причинное, или функциональное», единство. Иллюстрируя качественное различие между третьим и первыми двумя типами интеграции, Сорокин противопоставляет образ дома как реализованного структурного и функционального единства и образ сложной во дворе груды материалов, из которых дом может быть построен. Сорокин подчеркивает, что в этом случае речь идет о более высокой степени интеграции, чем в первых двух. Главный принцип построенная данного типа взаимосвязи — «осязаемая, заметная, фиксируемая непосредственно

зависимость (взаимная или односторонняя) переменных величин или элементов друг от друга или от системы в целом». «Если за переменной *A* всегда следует *B* <...> мы говорим, что они находятся в функциональной взаимосвязи»⁴.

Наконец, четвертый уровень интеграции — «логико-смысловое единство» элементов культуры — «это высшая форма интеграции», «сверхинтеграция»⁵. Поскольку «высшие ценности и комплексы ценностей любой великой культуры относятся к разряду логико-смысловых единств, именно этот уровень и придает ей социокультурную <...> индивидуальность <...> особый стиль, облик и характер»⁶.

Как подчеркивает Сорокин, в рамках логико-смыслового единства связь частей «гораздо глубже, чем в случае простого функционального объединения»⁷. Сравнивая третий и четвертый уровни интеграции, русский мыслитель отмечает, что «причинно-функциональные» формулы интеграции предоставляют в наше распоряжение «образцы единообразия (patterns of uniformity)»⁸.

Логико-смысловой метод упорядочивания хаоса — принципиально иной, поскольку «упорядочивающим элементом здесь служит не единообразие, не схожесть связей между отдельными переменными, а тождество смысла...»⁹.

Впрочем, по замечанию Сорокина, третий и четвертый уровни интеграции вполне могут сочетаться: часто логико-смысловая связь между переменными «сопровождается и причинной их связанностью»¹⁰.

Принципиально важен вывод Сорокина о том, что о системной связи в прямом смысле слова речь может идти лишь на третьем и четвертом уровнях интеграции: «Поскольку речь идет о логически и функционально интегрированных системах, то есть о системах настоящих», то они обладают несколькими фундаментальными свойствами. Во-первых, их отличают определенная степень автономии и внутренняя саморегуляция. Во-вторых, наличие автономии предполагает, что «функционирование, изменение и судьба системы определяются не только и не столько внешними обстоятельствами (за исключением катастрофических случайностей), но и самой ее природой и отношениями между ее частями». Любая «внутренне интегрированная система является автономным саморегулирующимся, самоуправляемым или «сбалансированным» единством. Жизненный путь системы во многом предопределен в момент ее рождения»¹¹.

¹ Главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор 215 публикаций, в т. ч. монографий: «Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; статей: «Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей», «БРИКС в стратегической перспективе», «Мыслеобраз границы: социокультурные проекции» и др. Заместитель главного редактора энциклопедии «Латинская Америка». Член Ассоциации исследователей иберо-американского мира.

² Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 21–22.

³ Там же. С. 22.

⁴ Сорокин П. Указ. соч. С. 22–23.

⁵ Там же. С. 26–27.

⁶ Там же. С. 32–33.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Там же.

* * *

Теперь попробуем спроецировать схему П. Сорокина на глобальный уровень. При определенном ракурсе рассмотрения можно сказать, что в конечном счете все составляющие «мира людей» имеют в качестве первичной объединяющей основы «пространственное соседство» на планете Земля. Аналогичным образом можно констатировать, что общие условия жизнедеятельности человека определяются совокупностью физических параметров нашей планеты. В этом смысле можно говорить о том, что единство человечества обусловлено внешними факторами — общими условиями функционирования природного мира Земли. Если использовать схему Сорокина, то получается, что на первом и втором уровнях глобальная интеграция «мира людей» наличествует изначально, и с этой точки зрения глобальность может быть рассмотрена как предварительное условие существования человечества. Однако ни на первом, ни на втором уровнях (по Сорокину) «интеграция» не предполагает формирования системы *реальных* связей между различными составляющими «мира людей». Будучи предварительным *условием* его существования, глобальное на данных стадиях еще не стало *реальностью* этого мира.

* * *

Итак, по Сорокину, системная связь в прямом смысле слова может быть двух видов: функциональная и логико-смысловая. Возможно ли создание глобальной системы, охватывающей все человечество, соответственно третьего и четвертого уровней интеграции?

Как нетрудно заметить, в интерпретации Сорокина ассоциация, базирующаяся на принципе функциональной связи, уподобляется механизму, действующему по заданной программе, зависимость между элементами системы здесь носит однозначный характер, не допускающий каких-либо отклонений. Данный тип системности основан на жестком детерминизме. Возможно ли единая мировая система, основанная на функциональном типе связи? Полагаю, что реалии мировой истории побуждают к тому, чтобы дать положительный ответ на этот вопрос. Там, где организация человеческого общества действует как безличный и надличностный механизм, возникает именно такая системная связь. Наверное, самый яркий пример — мировой капиталистический рынок.

Но что означало бы создание глобальной системы на логико-смысловом уровне интеграции (так сказать, глобализация всего)? В интерпретации Сорокина, как следует из вышеприведенных высказываний, ключевое слово, определяющее сущность этого уровня, — «смысл». Лучшее, по моему мнению, определение этого термина дал М. М. Бахтин: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла»¹. Логико-смысловый уровень интеграции складывается на основе ответов, данных той или иной культурно-исторической общностью на ключевые, коренные вопросы человеческого бытия. Глобализация на логико-смысловом уровне означала бы, что все культуры дают одни и те же ответы на эти вопросы, а следовательно, что многообразие мира исчезло. Однако совершенно очевидно, что разные культуры и цивилизации дают разные ответы, по-разному подходят к решению ключевых проблем-противоречий человеческого существования. Взаимодействие между ними представляет собой напряженный диалог-спор *различных* смыслов. Допустить, что может существовать единый и единственный для всех смысл, — значит отрицать онтологическую реальность разнообразия человеческого мира. По этому поводу высказывались очень многие ученые и мыслители. Наиболее убедителен в этом плане, на мой взгляд, М. М. Бахтин, обосновавший в рамках своей «диалогики» принципиальную невозможность подобной унификации смыслов².

Из этих рассуждений следует вывод: глобализация на логико-смысловом уровне невозможна. Попытка ее осуществить означает стремление навязать смыслы одной, доминирующей на иных уровнях бытия культуры цивилизационного масштаба всем остальным. Гипотетическая реализация данного сценария означала бы уничтожение многообразия, следовательно, лавинообразный рост социальной энтропии, перспективу деградации и в конечном счете гибель человечества.

Есть все основания полагать, что культура являет собой *экзистенциальный предел* процесса глобализации. И не культура вообще — культуры вообще, как и человека вообще, не существует. Культура, как и человек, всегда конкретна, обусловлена теми или иными обстоятельствами своего пребывания в истории и определенной природной среде.

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 369.

² Там же. С. 370.